

КРОКОДИЛ

№ 15 (1665)

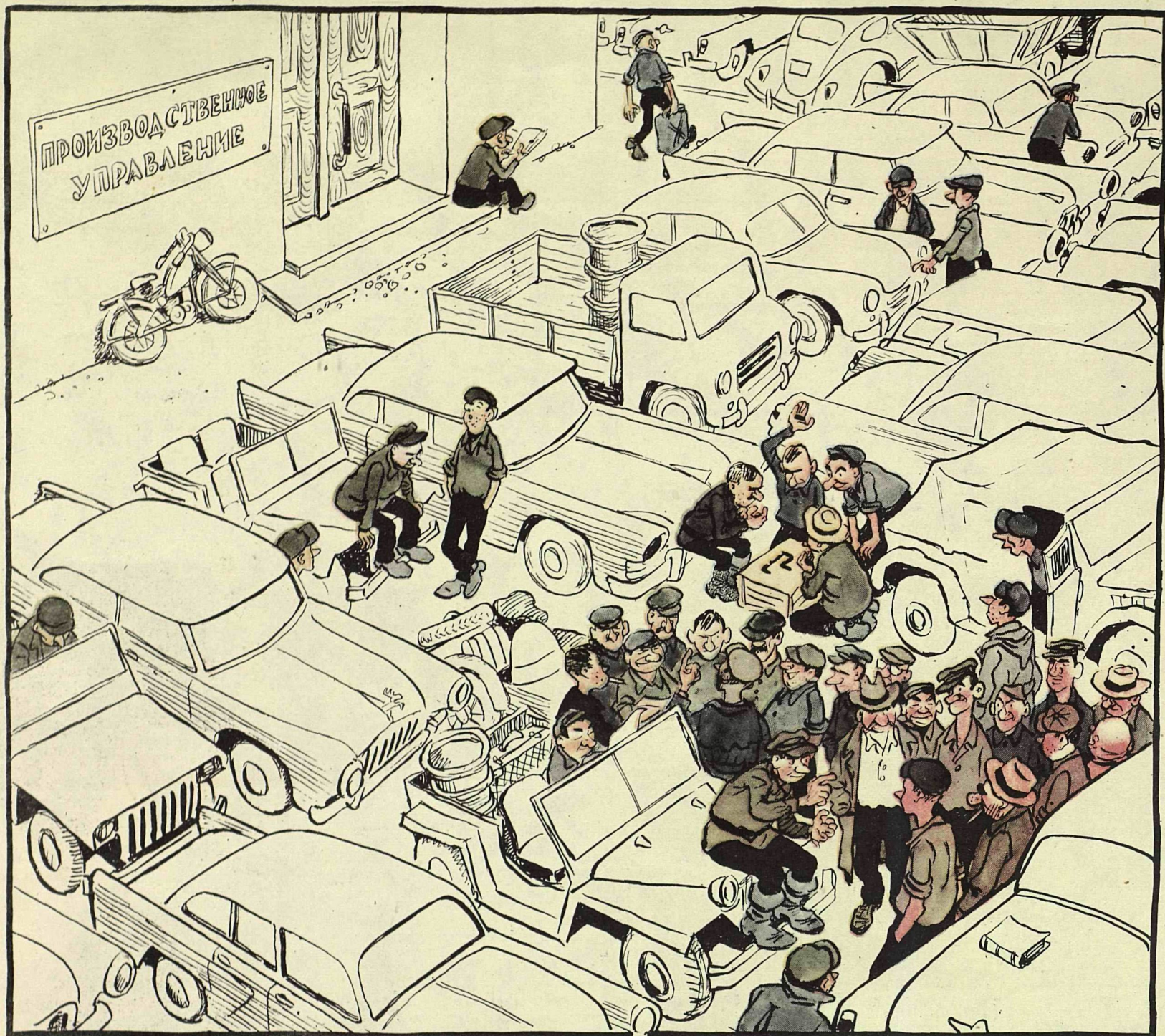
ГОД ИЗДАНИЯ 40-Й

30 МАЯ 1962

БЮРОКРАТИЧЕСКИЙ НАДУВАНЧИК

Рисунок М. ЧЕРЕМНЫХ

- О чем совещание проводят?
- О нехватке шоферов и трактористов.

Рисунок Е. ВЕДЕРНИКОВА

Н. ПОЛОТАЙ

ЧУБУК

Бумаг исписав чуть не целую тонну,
Дав сто указаний по телефону
Да семь «провернув» деловых совещаний,
В залог получив целый воз обещаний,
Чубук был доволен:

— Вот это денек!..

И вдруг из райкома звонок:

— Чубук?

— Я Чубук.

— Здоров, председатель!

Сидит у меня тут московский писатель...

Чубук улыбнулся:

— Поэт? Романист?..

— Да нет, брат, покрепче... Фельетонист!

Интересуется яблочком красным.

— Ах, лакомка, значит? Ну, вот и прекрасно!

Сейчас посылаю за вами «Победу»

И жду непременно обоих к обеду!..

Дом Чубука. Бойко и лихо

Стол сервирует сама Чубучиха.

Приветным салютом бабахнули пробки,
И звонко и весело стукнулись стопки.

Чубук поднимает заздравную чарку:

— Мы держим высоко районную марку!

Какие чудесные наши сады!

Какие прекрасные наши плоды!

Пусть наших садов умножается слава!..

А гость что-то медлит и смотрит лукаво.

— Хоть тост,— говорит,— вы сказали и гладко,

Но вкралась досадная все ж опечатка.

Вам выпить сначала не следует разве

За скромных и честных работников... связи?

Чубук помрачнел, опустил на место,

А гость продолжал:

— Как нам стало известно,

Бумаг подписали вы целую тонну,

Летят директивы по телефону,

Мозоли насыжены от совещаний,

И собран большой урожай обещаний,

И планы в ажуре, и рапорт готов,

Всего в изобилии, кроме... плодов.

Признательны вам за внимание козы,

Что гложут везде виноградные лозы;

О здравии собственном не беспокоясь,

Растут сорняки агроному по пояс...

Но если и гнили у вас урожаи—

Мы знаем,— вы фрукты всегда обожали.

Посылка от сына— из Ленинабада,

Посылка от дочери— из Кировограда,

А что в тех посылках-то, дело тут ясное:

Янтарь винограда и яблочко красное!..

И сразу за трапезой сделалось тихо,

Шмыгнула на кухню лисой Чубучиха,

С разинутым ртом председатель молчал,

Поникнув головой, секретарь заскучал...

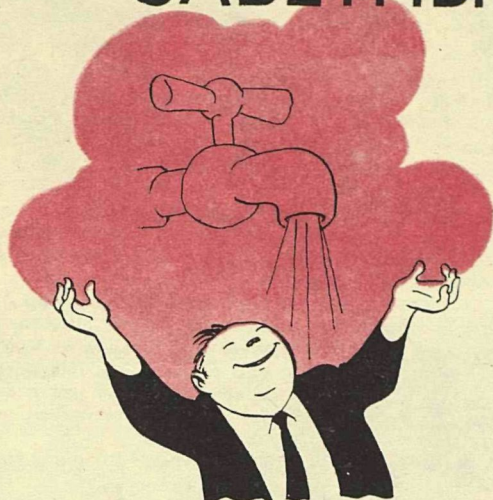
Мы так их оставим, вполне понимая,

О чем говорит

эта сцена немая.

г. Симферополь.

ЗАВЕТНЫЙ КРАНИК

Мы сидим с председателем у самой кромки кукурузного поля и подсчитываем, сколько еще приходится чиновничьего люда на сто гектаров пашни. Мы сидим и подсчитываем, сколько понадалвал этот бумажный люд колхозу пустых обещаний, фальшивых посулов и клятв, не стоящих обглоданного кукурузного початка. А все началось с того, что у колхоза «Красный Оскол» решили отнять для водохранилища около тысячи гектаров земли.

— А что мы получим взамен? — всполошился председатель колхоза Владимир Филиппович Сахаров.

— Взамен вы получите двести пятьдесят гектаров, — ответили ему.

— Мало! Так дело не пойдет! — сказал Сахаров, жесткий и рачительный хозяин.

— Чудак вы человек, — сказали ему. — Эти двести пятьдесят гектаров будут стоить вашей тысячи. Мы поставим насосную станцию и нарежем оросительную сеть. Вам не придется ждать милостей от неба. В дни, когда барометр будет показывать великую сушь, вы небрежным жестом отвернете краник, и вода хлынет на поля, как во времена всемирного потопа. Словом, вам будет хорошо.

Сахаров хотел, чтобы ему было хорошо. Он обнял золотоустов и начал мечтать о том благодатном дне, когда можно будет запросто отвернуть краник и испытать все блага искусственного орошения.

Разговор этот происходил в 1954 году. А ровно через год на стол председателя лег пухлый том. Он был забит цифрами, чертежами и экономическими выкладками. Углубившись в чтение, Сахаров узнал, что колхозу построят водозабор, насосную станцию, напорный бассейн и многое другое.

Председатель снова умилился. До светлого будущего было рукой подать. Но Сахаров ошибся. Минуло немало времени, прежде чем на берег реки пришли строители. Впрочем, их появление не принесло колхозникам особой радости. Строители не спешили и не надрывались. Трудовой пот не орошал их мужественных лиц. Порой председателю казалось, что перед ним проходят кадры кинокартины, показываемой в замедленном темпе. 1958 год ознаменовался сооружением небольшого здания насосной станции. 1959 год не был славен сколько-нибудь выдающимися строительными подвигами. В 1960 году смонтировали гидромеханическое оборудование. Затем начались замедленные пластические движения вокруг будущей линии электропередачи. Прошел 1961 год, пять месяцев нынешнего, а поливать гектары нечем.

— Поймите, что это значит для колхоза! — сокрушается председатель. — Будь у нас эти земли, мы могли бы дополнительно вырастить сотни голов крупного рогатого скота, овец и птицы.

Сахаров склоняется над блокнотом и после подсчетов сообщает:

— За несколько лет мы получили бы продукции на триста пятьдесят тысяч рублей!

Триста пятьдесят тысяч! Есть отчего вздыхать председателю!

Я гляжу на расстроенного Сахарова и думаю, что мне уже не написать веселого и смешного фельетона. Даже его рассказ о том, как неизвестные злоумышленники вырезали из здания насосной станции все стекла, не вызывает у меня юмористических ассоциаций. Браконьеры-рыболовы, орудующие по ночам на водохранилище, разворовывают для грузил и прочих своих надобностей ценные детали гидромеханического оборудования. И это тоже не смешно. К тому же старо. Ведь этим занимался еще чеховский злоумышленник.

Мы с председателем покидаем кукурузное поле и выезжаем на место гидротехнических работ. Перед нами возникает насосная станция с вырезанными стеклами, открытая всем ветрам, дождям и ворами. И еще мы видим водозабор. Он уже забит камнями, песком и илом. Теперь уже ни одна капля воды не просочится через него. Придется строить новый.

В тот же вечер я выехал в Харьков, чтобы побеседовать с руководителями строительства. Начальник СМУ треста «Донбассводстрой» тов. Тарасов встречает меня без особого энтузиазма.

Начинается длинный разговор о затяжке сроков и тайнствах материально-технического снабжения. Со стороны может показаться, что речь идет о сложнейшем гидротехническом сооружении вроде знаменитого Волжского каскада. В действительности же строительство в «Красном Осколе» похоже на Волжский каскад не больше, чем канарейка на слона.

Товарищ Тарасов рассказывает, что, помимо всего прочего, пуск сооружения задерживался из-за «задвижек типа Лудло» и нехватки металла для железных опор. И опять не следует думать, что железная опора — это что-то вроде Эйфелевой башни. На две опоры требуется всего около пяти тонн металла. Как видите, нет нужды переключать Магнитогорский комбинат на снабжение металлом краснооскольской новостройки.

Я сообщил начальнику управления водного хозяйства Харьковской области товарищу Соловьеву о подсчетах, произведенных председателем колхоза на кукурузном поле.

— Сахаров считает, — сказал я, — что за это время колхоз мог получить дополнительно продукции на триста пятьдесят тысяч рублей.

Соловьев, сидевший до этого чинно и спокойно за своим столом, как и подобает руководителю солидной организации, неожиданно сорвался с места. Лицо его побледнело.

— Только не вздумайте! — сказал он.

— Что не вздумать? — удивился я.

— Не вздумайте печатать эти цифры. Напечатаете — наживете неприятности. Вы же не хотите иметь неприятности?

— Не хочу, — сознался я.

— То-то, — сказал Соловьев. — Если ваш фельетон обнародуют, нам придется давать отклик. Это, разумеется, будет поручено мне. А я-то сумею документально доказать, чего стоят подсчеты этого Сахарова...

— А по-вашему, на какую сумму недодал колхоз продукции за эти годы?

— На сто тысяч! Не больше!

Начальник управления сказал это таким тоном, будто сто тысяч для колхоза — сущий пустяк, мелочь, карманные деньги.

Нет, не проявили харьковские товарищи озабоченности судьбой колхоза. Если бы эта озабоченность была, колхозники «Красного Оскола» давно могли бы открыть заветный краник и получить дополнительно сотни центнеров мяса, молока, шерсти, которые нужны стране.

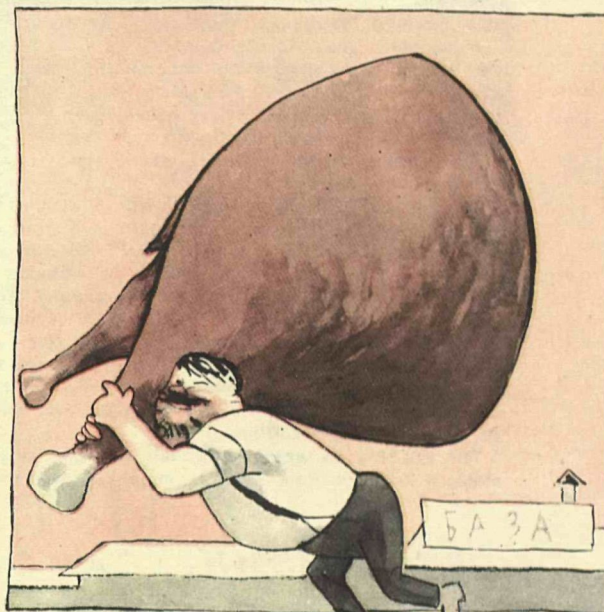
С. ШАТРОВ,

специальный корреспондент Крокодила.

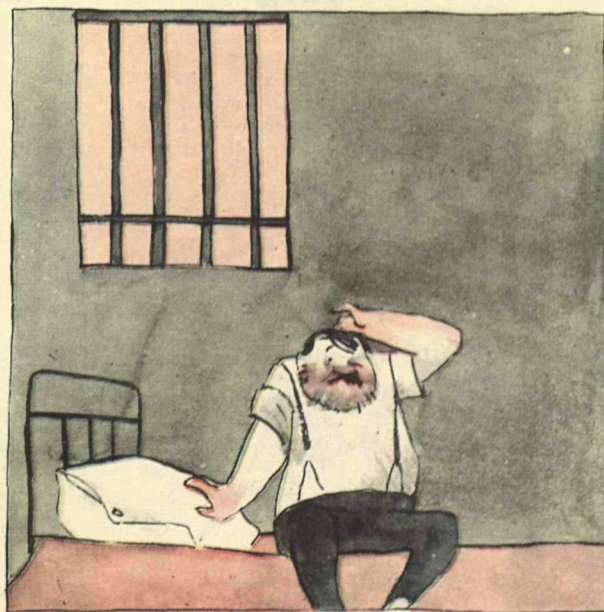
Изюм — «Красный Оскол» — Харьков.

Часть первая.

Часть вторая.

Заключение.

Рисунок Е. ШУКАЕВА

Бронебойная клюка

Уважаемым хочет быть даже шкаф. Человек тем более. А уважают человека ой как не всегда! И не в том дело, что нет достойных и заслуживающих, а в том, что по сей день существует, к сожалению, хамство. Хамство живучее и кусачее, как поседевший на пиретруме боевой клоп.

Хамство просыпается рано. Раньше грибников и влюбленных. Еще далеко до рассвета, а проводницы скорого поезда Свердловск—Москва начинают молотить в двери купе, как в бубен:

— Подъем!

Но почему, собственно говоря, «подъем»? До Москвы еще три с половиной часа езды! Пассажир хочет досмотреть черно-белый полнометражный сон. Но проводница уверенно тянет из-под него теплый, словно июльский асфальт, матрац. Нет, она не подозревает мирного пассажира в хищных намерениях цапнуть и продать матраcis. Просто им, проводникам, удобно изъять постельные принадлежности загодя, а потом обстоятельно попивать чаек из блюдца и обсуждать рыночные цены на крупноплодную черешню.

А непрославшиеся командированные между тем тоскливо бродят взад-вперед, освещая полутемные коридоры воспаленным семафорным блеском печальных глаз.

Весь день для них безнадежно разбит. Они уже не смогут энергично охватывать, увязывать, проталкивать или просто работать. До обеда они вынуждены будут отсыпаться в номере или вестибюле гостиницы.

Расхищены сотни рабочих часов. Но зато проводникам удобно.

Ядреные хамы очень любят персональные удобства за счет неудобств ближнего. В полупустом ресторане, например, вам никогда не позволят присесть у окошечка. За облюбованным вами столиком всего один клиент, но у него уже приняли заказ. За другим столом то же самое. И вас начинают гонять от Дуси к Фросе, от Фроси к Марусе. Гоняют так, что в воздухе отчетливо слышится шелканье бича, совсем не способствующее пищеварению. Зато официанткам удобно.

Но вот вы овладели наконец стулом, скажем, в горьковском кафе с ласковым назва-

нием «Дружба». Уют. Модерн. Крахмальные скатерти слепят и скрипят, словно выходные сапоги оперуполномоченного милиции. Хорошо! Официантка подходит через какие-нибудь двадцать минут. Отлично!!

— Будем обедать,—уверенно говорит она.

— Чудесно!!! — восклицаете вы и сучите ладонями так, словно собираетесь добыть огонь трением.

— Ха! — говорит она.— Разлетелся. Мы, то есть я и Фрося, будем сейчас обедать...

Вы открываете рот, как на приеме у стоматолога, а ладони распадаются подрубленными лепестками.

И официантка уходит, презрительно покачивая кружевной короной. Уходит, оставив без помощи человека, истекающего желудочным соком. Так ей удобно.

Попробуйте взбунтоваться и встать на защиту ваших потребительских прав. Весь персонал хором обвинит вас в подрыве демократии и оглушит энциклопедической истиной:

— Ишь, выискался! Теперь господ Рябушинских нет! Лакеев нет! Все равны.

Лакеев у нас действительно нет. «Челазек» стал Человеком. Так и относиться к ближнему надо, стало быть, по-человечески.

Кстати, лакейство и хамство — две стороны одной медали, отчеканенной на самодержавном монетном дворе. Умение облизать глазами рябушинских и выказать свое подчеркнuto хамское презрение к «протчему люду» всегда отличало породистого лакея. Рябушинских, повторям, нет. Но неблагородную отрыжку дрямчелого лакейства еще можно кое-где наблюдать.

В столичных Сандунах стоят в предбаннике белохалатные Добрыни Никитичи с шарикоподшипниковыми глазами. Об эти стальные глаза разбиваются всякие надежды скромного служащего усестья своими пятнадцатирублевыми штанами на свободное место.

— Нельзя! Занято! — ревет Добрыня.

И скромный служащий стыдливо мечется по предбаннику, прижимая к оскорбленному сердцу газетный сверточек.

Но вот входит дядя в тройке индпошива с баулом из кожи нильского владыки. И какая же чудная трансформация совершается с Доб-

рыней! Шарикоподшипники превращаются в инжир, источающий натуральный липкий сок. Выставив губы на вершок, Добрыня любовно сдувает пылинку с многообещающего клиента и ведет его на место, словно невесту с приданым.

Приданое в этом случае выражается в чаевом двугривенном, но честному служащему отвешивается при этом хамской неприязни на полновесный рубль.

С тупым меркантильным хамством бороться, в общем-то, не так уж хитро. Можно, к примеру, просто перевести Добрыню из предбанника в парилку, где социальное равенство предстает во всей своей наготе. Но как победить рафинированное хамство? Хамство по убеждению?

Когда говоришь о Сандунах, в голову невольно лезет любопытная аналогия.

К заведующему одного облсобеса приехал мой знакомый корреспондент. По ходу беседы в двери робко заглядывали просители.

— Вам что?! — вскидывал голову председатель.— Вы что, не видите?

Он говорил «вы». Но говорил с такой интонацией, что по телу пробегали мурашки калибром с божью коровку. «Вы» в его устах обозначало «пшел вон». Корреспондента меж тем он величал на «ты».

— Ну, как устроился? Ты, брат, дока!

Но это «ты» звучало, как «вашество». Улавливаете?

— А почему, собственно, «ты»? — полюбопытствовал корреспондент.

— Ну как же! — ответил он.— Мы же с тобой делаем общее дело...

С посетителями, надо полагать, он общих дел не имел...

Проведя эту аналогию, мы хотели прежде всего подчеркнуть, что хамство ветвисто, многомордо и наличествует не только в сфере бытового обслуживания. Просто в области сервиса хамство выпирает всеми ребрами и стало даже кое-где нормой.

Взять хотя бы гостиницы. Почти в каждой из них чувствуешь себя беспаспортным бродягой, коего из милости пустили обогреться. Вот некоторые записи из моего корреспондентского блокнота.

Днепропетровск. Гостиница. Разумеется, «Днепр». У лифта швейцар, вооруженный бронебойной клюкой. Клюка шлагбаумом поднимается перед грудью каждого посетителя.

— Ты-куда-к-кому-зачем?! — залпом рякает цербер в ливрее.

Иногда клюка буравит человека в грудь едва не насквозь. Спасает резиновый наконечник. Боль душевная от этого не уменьшается.

Магнитогорск. Горничная в 9 вечера разгоняет гостей, пришедших к молодым специалистам — молодоженам на день рождения. Она произносит заборные слова и целые предложения. Специалисты очень извиняются перед гостями. А перед ними никто не извиняется.

Мы полагаем, что найдется читатель, который может возразить:

— Э, позвольте, но при чем тут хамство? Все это, так сказать, от недостаточности культурного уровня обслуживающего персонала.

А не задумывались ли вы, почему столь акробатически подпрыгивает «культурный уровень» нашего сервиса, если в вагоне, ресторане или гостинице появляется иностранный турист? Из-под него не тянут матрац, не гоняют от Дуси к Фросе, да и цербер в ливрее стыдливо прячет клюку подальше. Прячет, но, заметьте, не бросает: пригодится для какого-нибудь инженера из Кинешмы...

Ошибочно предполагать, что хамы дьявольски обостренно чувствуют и понимают законы гостеприимства. Нет! Они просто боятся крупных неприятностей. А за хамство к жителю Кинешмы в самом худшем случае лениво пожурят. Хам, он понятливый.

А не мешало бы гарантировать ему крупные неприятности вне зависимости от должности, звания и места жительства объекта. Это произвело бы на хамов очень большое впечатление.

Ю. АЛЕКСЕЕВ

В МАГАЗИНЕ САМООБСЛУЖИВАНИЯ

Сверхбдительность

Рисунок Ю. ФЕДОРОВА

— Кто последний на такси?

Рисунок А. КАНЕВСКОГО

А. БУСУЙОК

РАССКАЗ

А Л Ь П И Н И С Т Ы

Первым, кто сдался, честно признавшись, что не может больше сделать ни шагу, был Жикю, «маменькин сынок». Поскольку обратный путь был не такой уж трудный, мы решили, что Жикю доберется до исходной позиции один. И он без промедления повернул назад, обнаружив такую прыть, какой от него нельзя было ожидать.

Василикэ сдал, когда до плато оставалось метров двести. Но мы уже достигли подножия вечных льдов и чудовищного нагромождения скал, окутанных туманом. И чувствовали то, ради чего мы, люди, никогда не занимавшиеся альпинизмом, отважились совершить это восхождение, чувствовали, что теперь, если даже в дальнейшей жизни каждого из нас и не произойдет ничего особенного, каждому будет что вспомнить.

Мы подыскали подходящее местечко за какой-то голой скалой, где не так сильно дул ветер. После того, как палатка наша трижды заваливалась на бок и дважды по непонятным причинам оседала, мы все-таки растянули ее по всем правилам альпинистского кодекса. Мы смотрели из отверстия палатки

на вершину, а вершина смотрела на нас. Понемногу нам стало казаться, что она смотрела на нас все строже и строже. И громкие голоса тех из нас, кто ратовал за дальнейший подъем и штурм вершины, становились все тише, пока совсем не смолкли. Василикэ показалось, что вершина отрицательно и угрожающе качает своей острой белой головой.

Это была безымянная вершина, за которой высоко-высоко стоял недосыгаемый Казбек.

— М-да... — нарушил тишину Ионаш. — Как бы ветер не снес нашу палатку. Тяжелое это дело — альпинизм. И все же очень интересное. Делать открытия, видеть то, чего не видели другие! Вот недавно я прочитал в одном журнале отчет какой-то экспедиции, исследовавшей Тибет. Экспедиция искала снежного человека. Слышали о таком?

— Ясное дело, слышали.

— Так вот, в отчете говорится, что, как рассказывают тибетские монахи и другие местные жители, снежный человек — это огромная обезьяна, живущая в ледяных или снежных пещерах на высоте более трех тысяч метров.

— А почему ее никто не видел вблизи?

— Видели, но из тех, кто видел ее, в живых никого нет. Потому что это страшное место всякого приблизившегося к нему постигает и уничтожает... то есть поедает...

— А-а-а-а! — раздался из-за нашей скалы звериный крик, повторенный тысячи раз окружающими скалами и пещерами. Мы одеревенели.

— Сне-ж-ный че-ло-век! — заикаясь, сказал Ионаш, натягивая поглубже кошму на голову. — Это он!

— К-ка-кой вы-вы-вы-со-ты мы до-стиг-г-гли? — спросил Петря.

Все сразу поняли подтекст этого вопроса.

Прошло минут пять. Крик не повторялся. Василикэ придвинул к себе альпеншток, но тут же отодвинул его.

— Что можно сделать палкой этому чудовищу, вскормленному кровью? — прошептал он.

Еще минут пять протекло в полном безмолвии. Мы не знали, отдалилось ли чудовище или, напротив, почуяв нас, крадется в тишине.

Молчание нарушил Ионаш.

— Но ведь никто из нас не видел даже малейшего следа на гладком и чистом снегу, — тихо сказал он.

— А-а-а! — Крик резко оборвался у самого входа в палатку.

Мы окаменели.

Угол брезента, закрывшего вход в палатку, стал тихонько приподниматься. Выше... еще выше...

Перед палаткой стоял «снежный человек». Ростом он был по пояс каждому из нас, на голове у него была школьная фуражка.

Он приветствовал нас с большим уважением.

Мы все молчали.

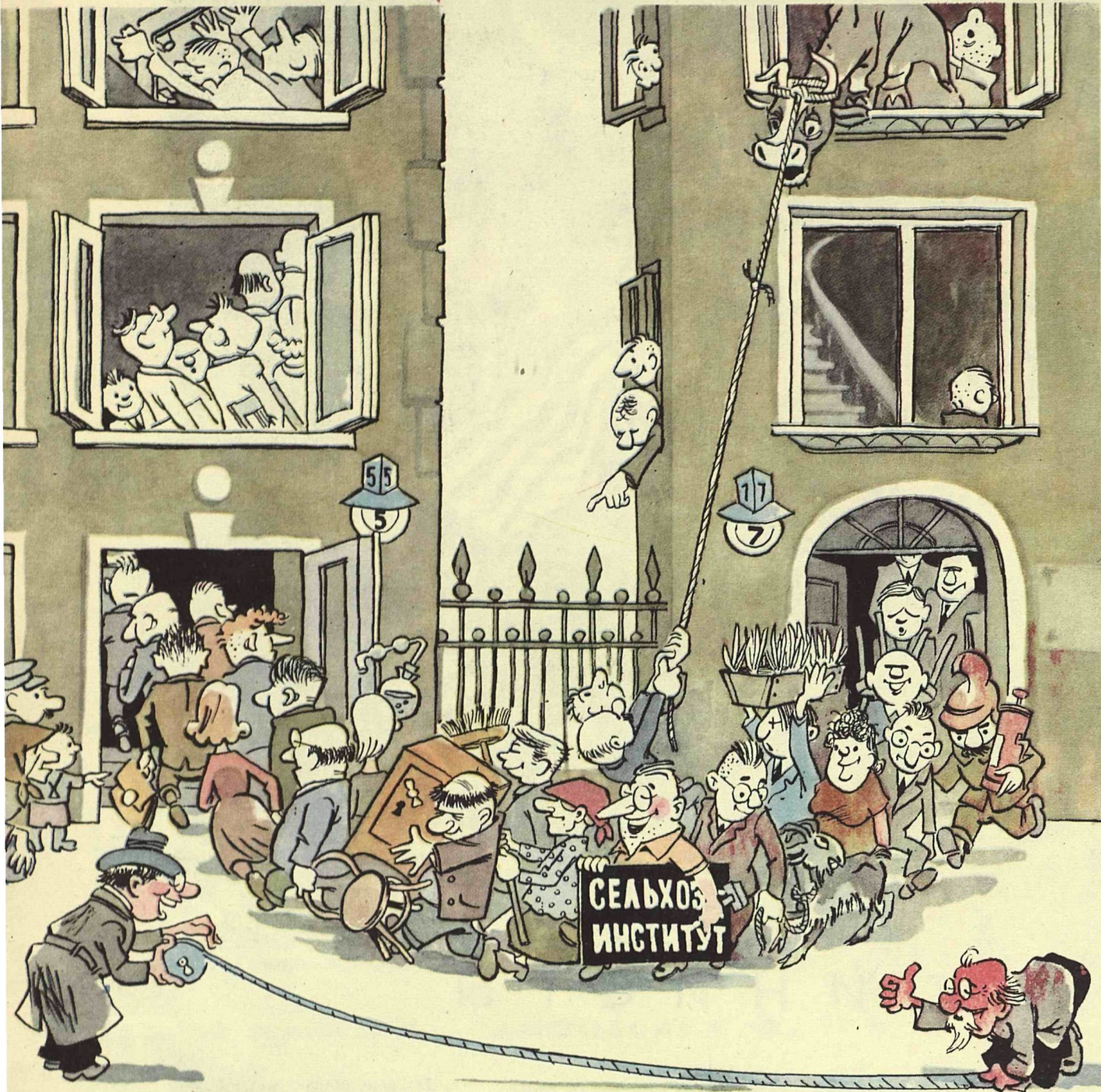
— Вы обморозились, дяденьки? — встревоженно спросил «снежный человек». — Вы такие белые, белые...

— Б-ы-ы... как ты сюда попал, мальчик? — спросил Ионаш.

— Корова... Снова заблудилась... Не видели, дяденьки, здесь рыжей коровы с лентой на шее? На прошлой неделе я ее тут недалеко нашел. Чуть повыше...

Перевел с молдавского

В. СУББОТИН

— Теперь мы будем на двенадцать метров и семь сантиметров ближе к колхозам!

Рисунок Г. АНДРИАНОВА

«Подстрекатели укрывателей»

Штаб народной дружины Запорожского гидроэнерготехникума был немало озадачен, получив документ, выдержки из которого мы приводим ниже:

«Штаб «НД» (народной дружины.— Ред.) отряда МР-2 завода «Запорожсталь» ставит вас в известность, вместе с тем направляет удостоверения на имя гр-н Л. и О., от которых будучи в нетрезвом (спиртном) состоянии из числа в среде группы друзей-приятелей на территории парка учинили, как подстрекатели укрывателей разлагающие действия в создании нездоровой атмосферы драмой...»

И так далее, в таком же духе. Подписали этот меморандум командир отряда народной дружины завода «Запорожсталь» В. Железняк и ответственный по штабу Ф. Жмурко.

Выражаясь стилем этих двух товарищей, они «учинили разлагающие действия в создании нездоровой атмосферы» для русского языка.

Л. А.

Почтамт и море

Дорогой Крокодил! Шлют тебе привет с далеких морей китобой флотилии «Слава». На производственные дела нам грешно жаловаться. С китами у нас установлено полное взаимопонимание. Они охотно попадают на мушку, а наши гарпунеры стреляют без промаха.

Только вот с родственниками, друзьями и знакомыми нам никак не удается установить контакт. Они всерьез верят, что в море возможен только один способ доставки почты: письмо запечатывают в бутылку и бросают в набегающие волны, как это делали герои приключенческих романов. Бутылка плавает, повинувшись течению и штормам, и бывает, что в некоторых случаях ее подбирает тот, кому письмо адресовано.

Наши корреспонденты в один голос уверяют нас, что именно так поступают с посылаемыми нам письмами работники Одесского главпочтамта. Иначе, мол, ничем нельзя объяснить, почему письма и посылки для китобоев флотилии «Советская Украина» попадают на флотилию «Слава», а конверты с адресом «Славы» грустно рассматривают моряки «Советской Украины».

Очевидно, стихии и хаоса в работе Одесского главпочтамта куда больше, чем на морских просторах.

В. БУРЯКОВА

Борт флагмана флотилии «Слава».

НОВЫЙ ДЯДЮШКА ЯКОВ

У дядюшки Якова
Товару про всякого.

В магазинах не купите
(Иногда, разумеется),
А у нашего купчика
Все товары имеются,

Босоножки тбилисские
И ковры из Туркмении,
Расстоянья неблизкие,
Много надо умения.

Вот вам рижские бусы,
Трикотаж и косынки.
Он платки оренбургские
Получает посылками,

Из Ташкента — каракули.
Этот Яков не беден —
Нет лошадки караковой,
Ездит он на «Победе».

Самолеты баюкают
Спекулянта усталого,
И каюты уютные
Торгашу предоставлены.

И не зря он является
Коммерсантом испытанным —
Очень ловко справляется
Со снабженьем и сбытом он.

Он своим не поступится,
От гроша не отступится,
Результаты завидные —
Барыши необходимые.

Особняк есть у Якова
С холодильником, с ванной,
И с рычащей собакою,
И с верандой стеклянною.

Но напрасны усилия,
Может зря не стараться:
Мы за ширмой красивою
Разглядим тунеядца!

Надежда ЧЕРЕПАНОВА

г. Чебоксары.

Весна стирает
пятна

Частушки

Дачный хор легко и мило
Научился распевать:
«Сама садик я садила,
Сама буду торговать».

Ловкачи в районе были
В показуху влюблены.
Их за это окрестили
«Показухины сыны».

Я работу сочинила
«Ловля блох в низовьях Нила».
Вышлю в энский институт—
Может, звание дадут...

Вот реклама — просто диво,
Лучше нету на Руси:
«Потребитель, пей Главлпиво
И Главраком закуси!»

Мой расчетливый сосед
Накопил мешок монет,
Но не сможет дать ответ,
Жил на свете или нет?!

Видеть пятна неприятно
В наши чудо-времена,
Но весна стирает пятна,
Пусть же здравствует весна!

Юрий БЛАГОВ

ТРУБОЛЮБИВЫЙ ЧАСТНИК

В редакцию пришла отпечатанная на ротаторе бумажка. Некий А. В. Волков предлагал свои услуги по свалке, постройке и окольцовке дымовых труб, заделке в них прогаров и трещин, а также установке громоотводов. Послание заканчивалось так: «Ваши соображения пишите по адресу: «Ставрополь-краевой, ул. Бестужева, 12».

В свалке и окольцовке труб редакция особой нужды не испытывала. Прогары, правда, бывали, но иного, нетрубного порядка. Вот разве установка громоотвода...

— Да это же шабашник! — догадался молодой фельетонист. — Притаился в краевом центре и оттуда рассылает свои циркуляры. Какое нахальство! А в Ставрополе и не знают, что у них под боком появилась частная фирма.

Решено: выехать на место и разоблачить частника.

И вот я в Ставрополе. В местной редакции мне предложили:

— Давайте поищем специалиста по трубному делу, пусть поможет разложить этого шабашника на обе лопатки.

Начали звонить в разные организации. Звонили довольно долго. Наконец висевший на телефоне сотрудник редакции радостно воскликнул:

— Есть? Нашли? Слава богу! Как его зовут? Что-о?!

Глаза моего помощника округлились, рот раскрылся, а брови полезли куда-то вверх. Он оттолкнул телефон и, заикаясь, сказал: — Знаете, как зовут этого неза-

менимого специалиста, которого мы хотели привлечь для разоблачения шабашника Волкова? Его зовут... Волков, Алексей Васильевич. Адрес: улица Бестужева, 12. В общем, тот самый.

Придя в себя от этого удара, мы возобновили поиски. Не может быть, чтобы Волков был единственным специалистом по трубам! И оказались правы. Уже на второй день мы напали на след других специалистов трубного дела — Г. Казанцева и В. Гвоздева. Совсем недавно они без помощи Волкова украсили котельную местного мясокомбината отличной трубой.

Но радость была преждевременной. Сведущие люди нам сказали:

— Нашли консультантов! Да ведь Гвоздев и Казанцев — такие же шабашники, как Волков. Одного поля репы.

Неужели состояние труб на предприятиях Ставропольщины зависит от тройки калымщиков?

— А что делать? — скорбно спросил работник ОКСа совнархоза тов. Акулинчев. — Государственные предприятия строят только большие трубы, а на маленькие приходится приглашать шабашников.

— Нужно ковать свои кадры, — наставительно заметили мы.

— Куюм. Но как только выкуем, они немедленно переходят на свободное творчество. Им так выгоднее.

Акулинчев прав. Для «свободных художников» трубного жанра никаких финансовых ограничений не существует. С ними

заклучают трудовые соглашения по принципу — как сторгуемся. Гвоздев и Казанцев за строительство трубы на котельной мясокомбината получили всего 10 тысяч рублей (в старых деньгах), а с завода «Красный металлист» за такой же объект — втрое больше. Видимо, здесь люди были добрее.

Шабашники и не думают ни от кого прятаться. Они на виду. Ведь договоры с ними заключают не частные граждане, а государственные организации. Трест «Ставропольпромстрой», возводивший завод стеновых материалов и керамзита, заключил договор со всей тройцей — Гвоздевым, Казанцевым и Волковым — на кладку трубы и за их «доблестный» труд уплатил 2465 рублей.

Ловкачи-трубачи своего не упустят. Еще не закончив один подряд, они уже заключают очередное «трубовое соглашение».

Свидетельствовать с ними, к сожалению, не удалось. Они выехали на очередные гастроли за пределы Ставрополя.

Сорок четыре года назад фабрики, как и другие предприятия, были национализированы. Только бедная фабричная труба увязла в цепких лапах частника. Неплохо живется калымщику на теплом местечке — возле фабрично-заводской трубы. Можно погреть руки. Он и греет. Не стеснясь...

Е. ЦУГУЛИЕВА,

специальный корреспондент Крокодила.

г. Ставрополь.

— Выехать в районы? Что вы, у меня и здесь море дел!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Источники бывают разные...

Если вы корреспондент, аккредитованный в Европе, вам приходится освещать целый ряд международных конференций. При освещении той или иной конференции самое главное — ссылаться на возможно большее число источников информации. Это заполняет пустоту, образующуюся при отсутствии интересных новостей.

Вы можете сколько угодно цитировать эти источники, но упаси вас боже называть конкретных лиц. Вот некоторые из таких наиболее распространенных источников.

Прежде всего это «информированные круги». «Информированными кругами» может быть кто угодно, начиная с глухонемого портье в отеле и кончая швейцаром в кафе и шофером такси, который жалуется на плохую погоду.

«Конфиденциальными кругами» может быть всякий, находящийся в пределах помещения для конференции, в том числе молчаливый полицейский, проверяющий ваши документы при входе, дежурный секретарь или телефонистка в пресс-центре, которую вы ни разу не видели в глаза.

Хотя ссылка на «конфиденциальные круги» и придает корреспонденции некоторый вес, все же лучше цитировать «авторитетного представителя».

«Авторитетным представителем» может быть солдат американской морской пехоты или курьер из посольства, владелец закуской или люксембургский журналист.

Если два журналиста в баре сходятся по какому-нибудь вопросу, например, что взять выпить, это можно считать «единодушным мнением».

Существует два рода «надежных источников». «Надежным источником» считается тот, кто сообщает факты и без того известные ранее, в то время как «обычно надежным источником» является лицо, поставляющее, как правило, недостоверную информацию, но иногда по ошибке попадающее в точку.

Есть и другие источники новостей на конференции. Это «ответственные круги». Если кто-нибудь из делегатов тщательно вас избегает, его можно называть даже представителем «влиятельных кругов».

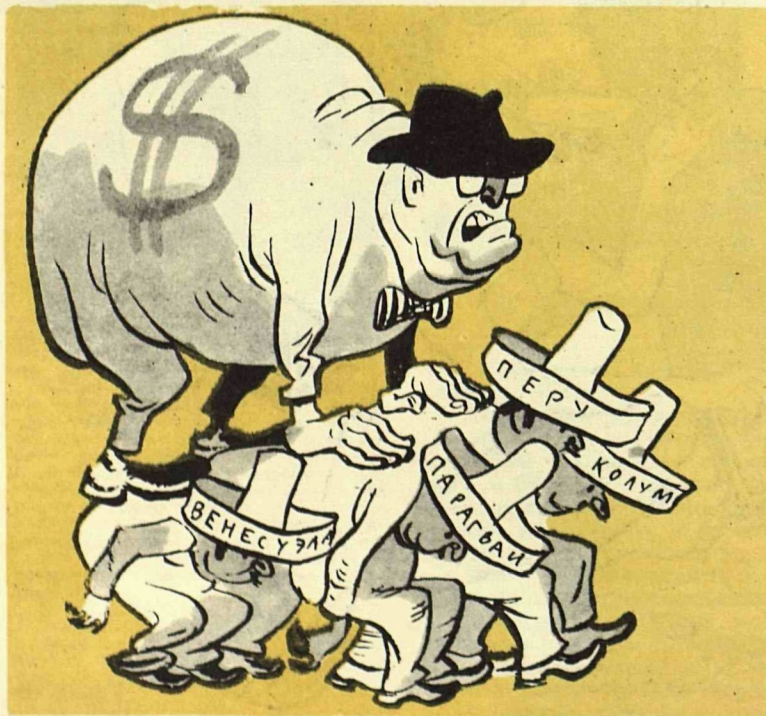
Когда ссылаются больше чем на одного шофера такси, то употребительно выражение «всеобщее мнение».

Основное правило корреспондента — никогда не ставить под сомнение подлинность «информированных», «конфиденциальных» или «надежных источников», которыми пользуется ваш коллега. А он, в свою очередь, не будет сомневаться в ваших.

Для этого существует две причины. Во-первых, журналист никогда не хочет выдать свой источник информации. И, во-вторых, вы никогда не знаете, когда его источником информации можете оказаться вы сами.

Сокращенный перевод с английского.

ВЕСЕННИЕ НЕДУГИ

Повышенное давление.

Что там ни говори, а шибко пошла в ход культура на Западе! Нынче в Америке и в Западной Европе без нее шагу не ступишь. Не подкультуришь — не продашь... И подавай покупателю что-нибудь этак пошескпиристой, порафаэлистей!

Могут сгодиться и те имена, что обессмертили себя по части музыки. Великие композиторы хорошо идут в дело. Особенно под пиво.

Увидев на рекламной странице газеты «Сан-Франциско хроникл» большие портреты Бетховена, Брамса, Баха, я подумал было, что вся эта полоса отведена под публикацию издательства, выпускающего ноты, или фирмы, занимающейся производством роялей. Смутило меня, правда, скромно притаившееся в углу полосы изображение предмета, никак не причисляемого к категории музыкальных инструментов, а именно пивной бутылки. Но затем я прочел строку, напечатанную сверху на той же странице: «Пиво фирмы Рэнье делает первый шаг в борьбе за культуру». Это озадачило меня еще больше.

Смутившись и опустив глаза долу, я прочел внизу под портретами великих композиторов пространное пояснение, втолковывавшее читателям, как они должны поступить, чтобы решиться на «первый шаг в борьбе за культуру».

Фирма разъясняла, что сегодня, чтобы прослыть культурным, интеллигентным человеком, мало лишь пить пиво. Желательно было бы, чтобы при этом потребитель продукта фирмы Рэнье был еще облачен в «спортивный свитер категории три «Б» (Бетховен, Брамс, Бах). Набранный громадными буквами, занимающий весь центр большой газетной полосы, призыв гласил:

БУДЬТЕ ПЕРВЫМ ИНТЕЛЛИГЕНТОМ СВОЕГО ОКРУГА.

ТАК-ТО БРАТ ПУШ

[Pilsener Ale Strikes a Blow for Culture; a Public Service Advertisement]

BE THE FIRST Highbrow IN YOUR NEIGHBORHOOD TO OWN A BEETHOVEN, BRAHMS, OR BACH SWEATSHIRT

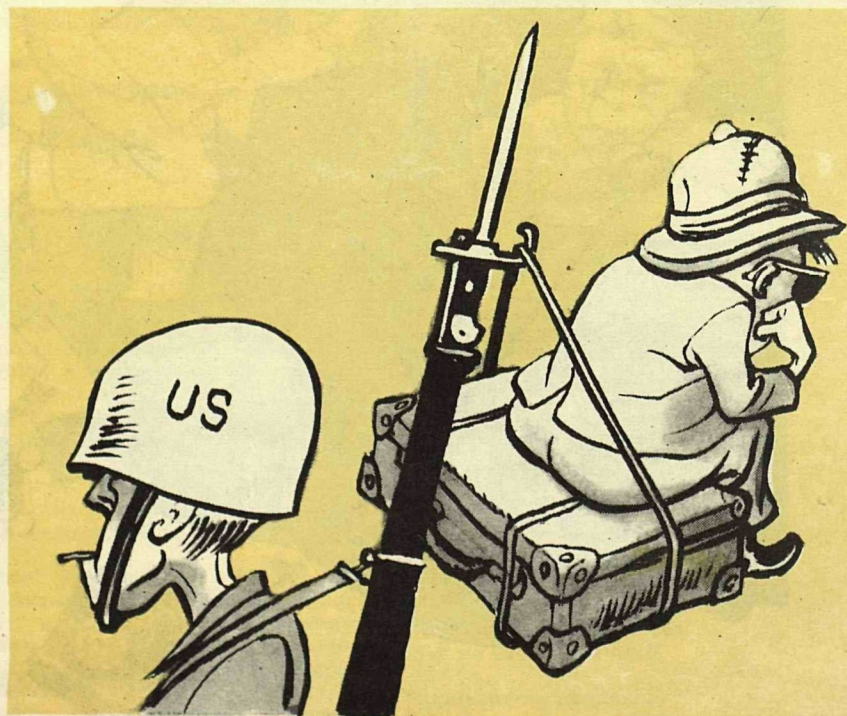
BEETHOVEN BRAHMS BACH

BEETHOVEN: The greatest of all composers... BRAHMS: The most perfect of all composers... BACH: The most perfect of all composers...

BEETHOVEN: The greatest of all composers... BRAHMS: The most perfect of all composers... BACH: The most perfect of all composers...

БУДЬТЕ ПЕРВЫМ ОБЛАДАТЕЛЕМ СПОРТИВНОГО СВИТЕРА С ИЗОБРАЖЕНИЕМ БЕТХОВЕНА, БРАМСА или БАХА!

Портрет одного из вышеупомянутых «Б» украшает свитер, который предлагают вам прислать по почте пивовары фирмы Рэнье. Тут же эта почтенная пивоварня сообщает, что она, стремясь «нести культуру в мас-

Нго Дин Дьем страдает отсутствием нормального стула.

О,
КИН!

PUSCHKIN

FÜR HARTE MÄNNER

нансирует ежевечернюю часо-музыкальную программу клас-ой музыки». Очевидно, фирма гагает своим рвущимся к высо-льтуры потребителям потяги-ивцо и одновременно икать Бетховену, Брамсу или Баху... ме Ранье понадобились для ды целых три «Б». Более эко- западногерманская фирма хаген в Вестфалии обходится

одним «П». На одной из страниц жур-нала «Дер шпигель» нарисован чело-век в жокейском картузике, со сте-ком, спортивным кубком в руках и стаканом, который он подставил сво-ему собутыльнику — медведю. А над этим красуется огромная надпись: «Пушкин — для настоящих мужчин». Тут же на рекламе запечатлена бу-тылка с царским гербом, русской надписью «Столовая водка» и немец-кой этикеткой: «Пушкин».

Отдельно под большим гербом бывшей Российской империи напеча-тан следующий диалог между госпо-дином в жокейском картузике и его собутыльником-медведем, который держит в лапах бутылку:

- Будем здоровы, Пушкин!
- Крепкие капельки...
- Превосходный вкус!
- ...И не пахнет.
- Даже больше того...
- Пушкин — для настоящих

мужчин!»

Иван Александрович Хлестаков в свое время, как говорится, заливал, что он «С Пушкиным на дружеской ноге. Бывало, часто говорю ему: «Ну что, брат Пушкин?» — «Да так, брат», отвечает, бывало, «так как-то все...».

Сегодняшний Хлестаков из Вестфа-лии с Пушкиным уже не только на дружеской, но и на коммерческой ноге. Сегодня он уже «заливает» в самом прямом смысле этого слова бутылки своей фирмы водкой, кото-рую не стесняется настоять на славе великого русского поэта.

Для торговца нет ничего святого. Ему все одно, что оторвать под Бет-ховена, что наклеюкаться под Пушкина, что нажиться на бюстгальтерах под Венеру Милосскую.

Так-то, брат Пушкин! Вот оно как, друг Брамс, приятель Бах и кум Бет-ховен!..

Лев КАССИЛЬ

Рисунок Бор. ЕФИМОВА

У Штрауса ярко выраженный атоминоз.

КРОКОДИЛЬСКИЙ ТЕЛЕГРАФ

ЛОНДОН. Старьевщикам Лондона следовало бы уделить самое при-стальное внимание сундукам герцога Бедфордского. В их недрах хра-нятся кипы совершенно бесполезной бумаги. Родители и деды герцога Бедфордского в свое время скупили огромное количество акций раз-личных компаний, подвизавшихся в царской России. Герцог Бедфорд-ский бережно хранит доставшуюся ему в наследство макулатуру, наде-ясь, что она когда-нибудь ему пригодится. Даже корреспондент бур-жуазной «Дейли экспресс», который раскрыл тайну герцогских сунду-ков, сомневается, чтобы эти акции «стоили больше, чем бумага, на ко-торой они напечатаны».

Право, герцог поступил бы очень умно, продав бумагу за несколько пенсов сборщикам утиля. В противном случае ее совершенно бесплат-но сгрызут мыши.

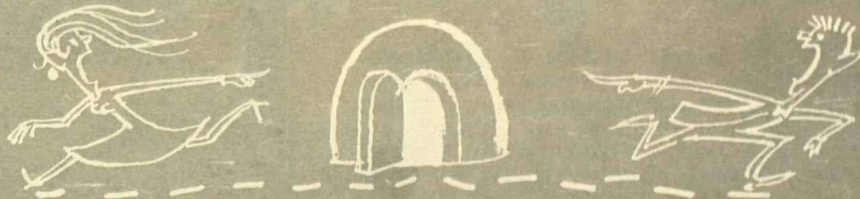
СТРАНА СЛЕЗ

ТЕГЕРАН. Супруга шаха разрешила городскому управлению Тегерана назвать одну улицу города «Улицей слез шахини». Дело в том, что именно на этой улице шахиня расплакалась, став свидетельницей несчастного случая. Если давать названия по такому принципу, то все остальные улицы Тегерана и других иранских городов следует переименовать в «Улицы слез народа».

ТИГРИЦА НА СВОБОДЕ

НОВЫЙ ОРЛЕАН. В американском городе Новый Орлеан появилась тигрица. Рыча и лязгая зубами, она свободно бегает по улицам. Зовут ее миссис Фэб Кортни, и внешне она мало напоминает хищное млеко-питающее. Тем не менее журнал «Лук» не без оснований прозвал мис-сис Фэб Кортни «Тигрицей новоорлеанских крайне правых». Миссис Фэб Кортни — представительница той же породы политических хищников, каковыми являются бэрчисты, маккартисты и прочие американские фа-шисты. Когда миссис Кортни приходит в ресторан, она, по свидетельст-ву журнала «Лук», обращается к официанту со следующей просьбой: «Подайте мне кровавый бифштекс, красный, как кровь коммунистов». Удивительно, но факт: тетио-людоедку без намордника выпускают на трибуну политических митингов. Между тем всякому ясно, что самая подходящая трибуна для нее — это клетка зоопарка.

ЛУЧШЕЕ ЗНАКОМСТВО

НЬЮ-ОЛБАНИ. Американец мистер Бэчман решил в виде опыта провести вместе с женой несколько дней в собственном бомбоубежище. Перед тем, как идти вниз, он заявил: «В убежище, помимо всего прочего, мы сможем лучше узнать друг друга».

Как только супруги вылезли на поверхность, мис-сис Бэчман отправилась хлопотать о разводе.

АМОРАЛЬНОЕ ИМЯ

БОЛОНЬЯ. К властям города Болонья [Италия] обратился крестьянин с просьбой зарегистрировать рождение сына, которому он дал имя Одиоллагерра, что значит «Ненавижу войну».

Власти отказались зарегистрировать имя, сославшись на итальянский закон, запрещающий родителям давать «аморальные» имена...

ЗАПИСКИ СТОРОННИКА ПРОГРЕССА

ЗНАКОМЫЙ ЖЕСТ...

(где-то в Нью-Йорке)

(Из дневника, найденного в Лондоне,
на Пикадилли)

С детства я испытывал непреодолимое стремление к прогрессу. Но долгие годы идеал прогресса, о котором я так страстно мечтал, был окутан для меня дымкой неопределенности и тайны. Но вот наконец настал великий день. Я понял, что такое прогресс. И помог мне сделать это наш английский министр иностранных дел лорд Хьюм. «Напряженность,— сказал он, выступая в палате лордов,— может быть одним из элементов нашего человеческого существования; она может быть предпосылкой прогресса, и без напряженности мы пришли бы к застою».

Итак, путь к прогрессу человечества лежит через напряженность в международных делах. Как радостно сознавать, что видишь и понимаешь самую суть вещей! Решил вести дневник, чтобы мои дети со временем поняли вдохновлявшие нас идеалы прогресса.

Вторник. В газетах пишут об усилении напряженности и советуют обзавестись бомбоубежищем. Целую неделю копал я у себя во дворе яму под противоатомное бомбоубежище. Позавчера ночью в яму провалилась корова соседа. Она сломала ногу и мычала всю ночь. Я кротко объяснил соседу, что прогресс требует жертв. Не знал, что мой сосед—грубый, отсталый человек, реакционер, которому наплевать на прогресс. До сих пор потираю скулу...

Вчера в яму упала жена. Тоже нехорошо выражалась о прогрессе и обо мне. Ничего не поделаешь, идея лорда Хьюма— прогресс через напряженность— не сразу находит путь к сердцам людей.

Среда. В школе, где учится дочь, обвалился потолок. Выяснилось, что из-за нехватки денег школу не ремонтировали уже семьдесят два года. Приятно сознавать, что прогресс коснулся и наших школ. Ведь не будь напряженности и такого военного бюджета, школу наверняка бы отремонтировали, и мы были бы лишены возможности почувствовать, как прогресс входит в нашу повседневную жизнь.

Четверг. Меня глубоко возмущают люди, которые бесконечно протестуют против гонки вооружений, требуют разрядки международной напряженности. Стыдно и больно сознавать, что в середине двадцатого века в такой освещенной стране, как Англия, находятся обскуранты, не понимающие идеи прогресса. Эти люди в любую погоду устраивают шествия и демонстрации. Подумать только, что случилось бы, если их лозунги были претворены в жизнь! Ведь тогда, выражаясь языком лорда Хьюма, мы оказались бы в тупике. Тогда прощай напряженность и прогресс. Будем молиться, чтобы этого не случилось.

Пятница. Русские ведут дьявольскую игру. Наставляя на разрядку международной напряженности, они пытаются лишить нас благ прогресса.

— Руки вверх!

— Свои...

Рисунок Ю. ГАНФА

Воскресенье. Зато американцы не обманули моих надежд. Начав ядерные испытания, они сразу же усилили международную напряженность и тем самым мы сделали все гигантский шаг на пути к прогрессу. Говорят, что радиоактивные осадки могут дойти и до нас, но это будут прогрессивные осадки, и как таковым мы можем им только радоваться...

Понедельник. Заметил, что в последние дни жена дает мой дневник разным людям и просит его прочесть. При этом она старается, чтобы я этого не заметил. Еще бы. Она знает, как я боюсь славы, и старается щадить мою скромность!..

Вторник. К нам приехало трое джентльменов. Сказали, что с интересом читали мой дневник и что хотели бы пригласить меня на цикл лекций о прогрессе. Я был очень польщен, но они почему-то предложили мне надеть странную куртку с длинными рукавами.

Наконец я догадался, что меня повезут в сумасшедший дом. «Но позвольте! — закричал я.— Ведь сам лорд...» Мне не дали даже договорить и грубо втолкнули в машину с красным крестом. Странные, странные люди, не понимающие истинной сущности прогресса! Ну что ж, прогресс требует жертв... Интересно, встречу ли я в сумасшедшем доме моего учителя...

Нашел дневник и доставил в Крокодил
Е. ГРИНИН

ПОД ТЕАТРАЛЬНОЙ ЭСТАКАДОЙ

Кто-то из друзей, кто именно, не помню, посоветовал мне пойти в Московский театр имени Маяковского на спектакль «Океан». Я человек доверчивый, с недостаточно развитым чувством юмора и поэтому все советы друзей воспринимаю буквально. Купил два билета в партер, поспорила с женой из-за пропавших запонок, и мы отправились в театр.

Смотрим, через весь партер, занимая в каждом ряду кресла по три, идет наискосок деревянный помост. И места наши как раз рядом с этой эстакадой.

— Что такое, — спрашиваю жену, — может быть, ремонт? И эстакада для транспортировки стройматериалов?

— Неужда, — отвечает она, — это декорации. Теперь модно переносить часть действия в зрительный зал.

Ну что ж, модно так модно. Началось представление. И вдруг над самым моим ухом, четко печатая строевой шаг, по помосту прошла группа матросов.

Постепенно я привык к помосту и строевому шагу, но все-таки мне казалось, что вот-вот кто-нибудь из действующих лиц

свалится мне на голову. То, что происходило на самой сцене, мне уже было трудно разобрать, и я погрузился в размышления о дальнейших путях развития театра.

Я подумал, что поле для новаторской деятельности наших режиссеров прямо-таки необъятно. Ведь можно вместо одного помоста в зрительном зале соорудить несколько. Тогда зрителей почти совсем не останется и можно будет развернуться вовсю. Или же в крайнем случае поместить зрителей на сцену, а актерам предоставить весь зрительный зал, включая амфитеатр и балкон. Великолепная идея! Особенно для приключенческих пьес. Действующие лица смогут прятаться между кресел партера и объясняться в любви в ложах бенеуара.

Если же против такого плана восстанут хозяйственные инстанции, встревоженные сокращением числа посадочных мест для зрителей, можно перенести все действие в проход партера. Тогда зрители как бы окунутся в гущу событий и смогут оказывать влияние на ход действия. Робкого положительного героя,

к примеру, всегда можно будет подтолкнуть навстречу героине, а отрицательному подставить ножку.

Нет, пожалуй, в проходе им будет тесновато. Лучше пусть актеры разыгрывают пьесу в антрактах в фойе, курительной комнате и буфете. Чудная мысль! Анна Каренина стоит в очереди за апельсинами, Вронский со свойственным ему легкомыслием преспокойно прохладается в курилке, а Каренин мечется по фойе. Сережа? Сережу можно уложить спать в комнату администратора. Зрители носятся по всему театру, выяснивают друг друга, где сейчас Анна и не видел ли кто-нибудь Вронского...

В этот момент мои раздумья

были прерваны новой группой матросов, печатавших строевой шаг у меня над ухом. Помост скрипел и трещал, как старинный фрегат во время бури. У актеров были новые набойки на подметках, я это видел совершенно точно, ибо сидел как раз под ними...

И тут мне в голову пришла совершенно ошеломляющая мысль. Что, если актеры будут играть на сцене, а зрители спокойно сидеть в зале?

Пусть даже не спокойно. Пусть их потрясут необычные пьесы. Мы за необычность. Но смешно, когда сотрясается лишь деревянная эстакада. Хотя бы и модная...

З. ЮРЬЕВ

ДИТЯ ЭКРАНА

— Убрала бы комнату...

— Нет, мама, эта роль не для меня!

Рисунок Бориса ЛЕО

МОКРЫЙ ЛИВЕНЬ

Под дождем, под дождем,
под дождем, под дождем,
по лужицам-по кружевцам
по тощеньким...
Ах, Елка, мальчик-девочка,
орешки!
Счастливая, промокшая,
мы все —
Из елок, из дождей,
русалок, леших,
из синих колокольчиков в росе.
Но чем взрослей, с годами — как
с веками,
и тяжелей счастливые шаги...
Римма КАЗАКОВА

Ах, милая, счастливая, невинная,
Я бегала в юбочке сатиновой
По лужицам-по кружевцам
по тепленьким,
Под дождиком, под дождиком
под мокреньким,
По стежкам, по дорожкам.
Понемножку,
Подобная созревшему горошку,
Я стала шелестящей и звонкой,
Отнюдь уже не ветреной
девчонкой,

А взрослой и серьезной поэтессой,
Вполне определившейся по весу.
Я бегать перестала, как бывало,
И прыгать, и скакать,
и веселиться.

Ах, ручка-самописка засверкала
Счастливую хрустальной водицей!

В. АНДРЕЕВ

Как стать умником

Мытищинский участок подмосковного лесного массива пользуется особой любовью анонимных поэтов, не нашедших своему творчеству иного применения. Вы спокойно идете по лесной тропе, наслаждаясь природой, и вдруг натькаетесь на капитальную железную вывеску с намалеванным краской текстом:

Птичьих гнезд не разорь,
Белок, зайцев охраняй
И рогатку брось в кусты —
Вот и будешь умник ты.

Вас охватывает невольная радость: ведь вы вошли в категорию умников, хотя и остаетесь в неведении, как, каким способом вы должны охранять зайцев и белок.

Чем дальше в лес, тем больше дров. В данном случае дрова вполне заменяет следующий опус лесного поэта:

На машине в лес залез —
Значит, ты обидел лес.

Вы лично не являетесь обидчиком леса и, стремясь уйти как можно дальше от несправедливого обвинения, ускоряете шаг. Но через несколько минут на вас обрушивается новый удар:

Ты под Москвой, а не в тайге.
Ружье — долой! Собак —
к ноге!..
...Словам орешник иль рябину,
Подумай, что оставил сыну.

Не зря сказано: дурные примеры заразительны. Начитаешься этих советов — и самому захочется дать совет... хотя бы безымянным сочинителям сучковатых стихов:

Птичьих гнезд не разорь,
Чепуху не сочиняй.
Авторочку брось в кусты —
Вот и будешь умник ты.

А. ВОЛКОВ

Известно, что писатель ждет рецензий и отзывов на свое детище. Рецензии бывают разные. Иной раз писателя оглушают, как медведя, критической дубинкой по голове. И он долго стоит, потирая ушибленное место. Но нередко писателя хвалят и гладят, гладят и хвалят.

В Кишиневском государственном издательстве «Картя молдовеняскэ» вышла книга. Скажем прямо, товарищи, вышла не «Война и мир». Хотя называется похоже — «В тылу врага».

Однако авторы этого литературного произведения не бегут в ближайший киоск за свежей газетой и не ищут в ней хвалебных отзывов о своем творении. И дело не в том, что авторы равнодушны к славе, а совсем в другом...

...Однажды, как говорится, в один чудесный день в кабинет директора вошла заведующая отделом художественной литературы издательства П. Дидык. — Есть новая рукопись, — деловито сообщила она.

— Ну и как? — полюбопытствовал директор.

— По-моему, интересная, — ответила Дидык. — Своевременная и нужная книга. Да и написана, к стати, неплохо.

— А кто автор?

— Я, — скромно ответила Дидык.

Директор поперхнулся дымом. До сих пор он особых талантов за тов. Дидык не замечал. Теперь она предстала перед ним как романистка.

И это было, конечно, приятно. «Растут кадры», — с нежностью подумал директор.

Роман «В тылу врага» прочли. Общее мнение было такое: «Эпоху не сделает, но издать можно». Издали. Солидным тиражом. Распределили по магазинам. Выплатили автору гонорар.

И вдруг выяснилось, что подлинным творчеством здесь и не пахло, что имел место хорошо организованный налет на кассу издательства «Картя молдовеняскэ». В то время как сама Дидык аккуратно, двумя пальцами вытягивала из жилетного кармана издательства приличную сумму, две таинственные фигуры, подняв воротники пальто, стояли за углом.

Это были люди, сыгравшие не последнюю роль в создании романа. Более того: весь роман от первой до последней строчки написан этими «мастерами» пера по устным рассказам П. Дидык. И тем не менее они не требовали, чтобы их фамилии значились на обложке книги. Они не хотели славы. Их почему-то вполне устраивала роль безвестных анонимов, таких невидимок. Они не требовали за свой труд даже денежного вознаграждения.

Откуда такое бескорыстие? Возможно, Лисовицкая и Кындя написали за Дидык роман просто из уважения к ее высоким душевным качествам?

Душевные качества Дидык здесь ни при чем. Другое дело — ее служебное положение. Ди-

дык — нужный человек! За нее не только небольшой роман — целую трилогию сочинишь. Ведь она заведующая отделом художественной литературы! И в трудную минуту сможет поддержать своих невидимок. И поддержала: Лисовицкая и Кындя за короткое время сумели выпустить своей литпродукции не на одну тысячу рублей!

— Нехорошо как-то получается, товарищ Дидык, — укоризненно сказал директор, когда ему стала известна история создания романа. — Вы хоть это понимаете?

— Да, понимаю, — охотно ответила Дидык.

— Но вы осознали? — настаивал директор.

— Очень осознала, — призналась Дидык.

— Все равно придется нам расстаться, — грустно сказал директор.

— А разве вы от нас уходите? — удивилась Дидык.

Директор вначале опешил, а потом понял, что имеет дело не с той фигурой, которую легко сбить административным ферзем. Он взглянул в глаза Дидык и прочел: «По судам затаскаю! Жалобами завалю! Под выговор подведу!»

А директору не хотелось под выговор. Ему хотелось жить, чтобы мыслить, страдать и издавать книги. И он назначил П. Дидык заведующей отделом научно-популярной литературы.

Дидык действительно осознала. Раскаялась. Сделала выводы. И поняла, что безболезненный процесс обмана ближних не терпит грубых методов.

Теперь она не претендовала на роль художника слова. Она целиком отдалась редакционной работе. И особенно изданию книги А. Флори «Учитесь шить». Она доказывала, что до-

мохозяйки Молдавии просто истосковались по такому пособию.

— Давно, давно пора издать такую книгу! — говорила Дидык.

Книгу издали. И здесь выяснилось, что желание Дидык поскорее выпустить в свет курс «Учитесь шить» было отнюдь не бескорыстным. Дело в том, что Дидык сшила эту книжечку из пестрых лоскутков чужих трудов. Ну, а фамилия родственницы Дидык закройщицы А. Флори нужна была для отвода глаз. Флория затратила на создание книги ровно столько усилий, сколько нужно было, чтобы расписаться в гонолярной ведомости и передать денежное вознаграждение Дидык.

И снова директор «Картя молдовеняскэ» смотрел в глаза своей подчиненной и читал в них знакомые мысли: «По судам затаскаю! Жалобами завалю! Под выговор подведу!»

А директору не хотелось под выговор...

Когда-то на дореволюционной толкучке среди торговцев семечками и продавцов глиняной фауны процветали некие личности с пропитыми голосами. Это были доморощенные факиры, которые при помощи пошленького крапления игральные карты облапошивали наивных простаков из соседних сел.

Так вот, дорогой читатель, на литературной толкучке нет-нет да и объявится дядя или тетя с шулерской колодой. Как это ни странно, им удается околпачивать директоров и редакторов издательства даже с законченным высшим образованием.

Такие дяди усвоили одну простую истину: к кассовой амбразуре пробираются не только волшебники слова и чародеи стихия. Пусть другие ломают голову насчет идей, метода и стиля, пусть другие изводят ради пустячного слова тысячу тонн словесной руды. Литературные ремесленники этого не любят. Их, конечно, интересует писательское творчество, но преимущественно в своем заключительном цикле, когда нужно отвинтить колпачок авторочки и расписаться в ведомости.

Совсем недавно Дидык выпроводили из издательства. Но привлекать к ее личности внимание особенно не стали. Все-таки неудобно! Ведь Дидык много лет стояла у кормила республиканской литературы. Стоит ли удивляться, что при такой деликатности и учтивости еще процветают дельцы, невольно напоминающие рыцарей крапленых карт?

В. ТИТОВ

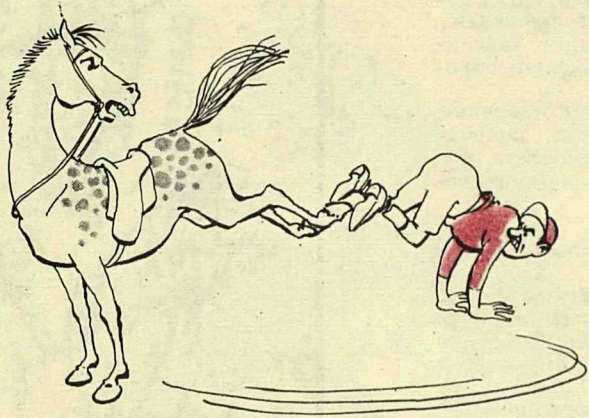
— Я же тебе говорила, что лучше учить его музыке!

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Заграничный галстук.

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Личные счёты.

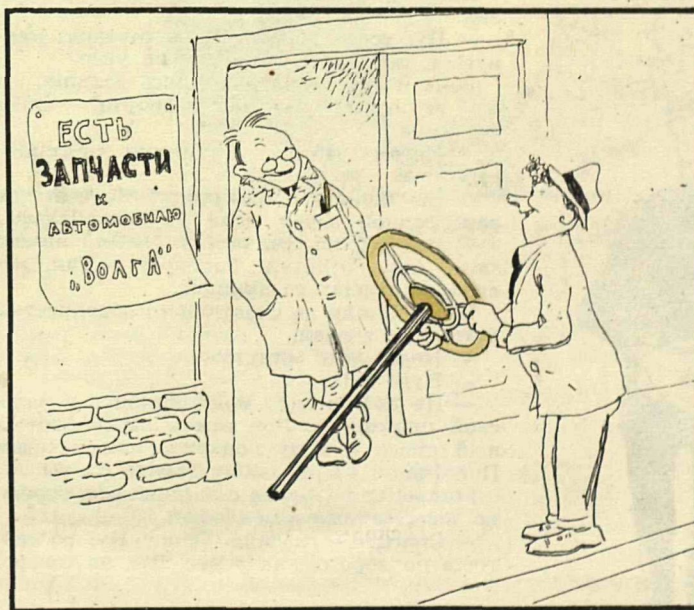
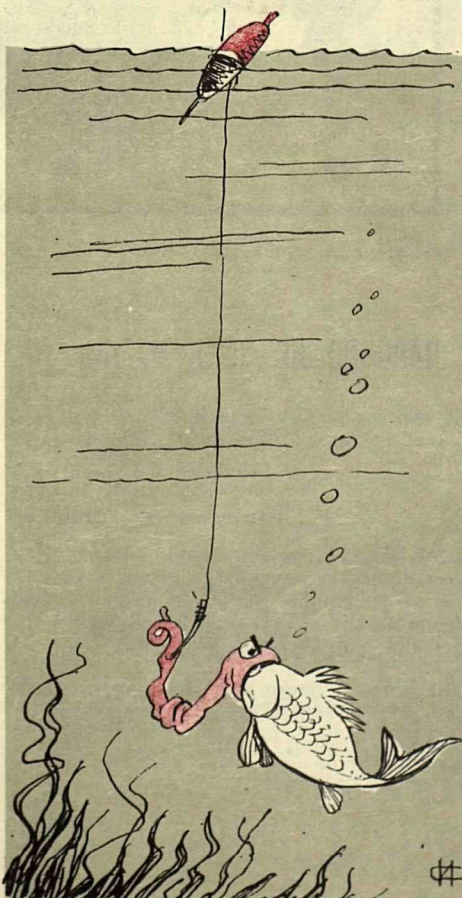
Рисунок Е. ГУРОВА

— Сдачи не надо!

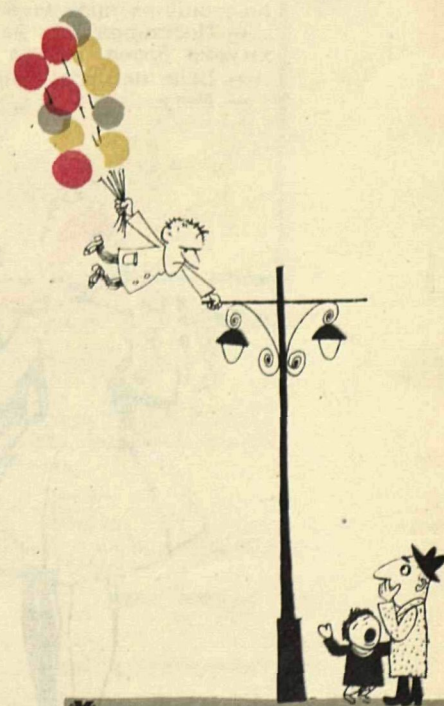
Рисунок С. АЛЕКСАНДРОВА

Озлился. Рисунок И. СЫЧЕВА

— Вам какие части?
— Все остальные!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

— Купи мне шарик!

Рисунок Р. МАТЮШИНА

ВОЗВРАЩАЯСЬ ИЗ ПАТРУЛЯ...

Это случилось нынешней весной. Совсем недавно, в апреле.

Работница телеграфа Лена Василенко с красной повязкой дружинницы шла по вечерней улице города. Шла домой, после патрулирования.

Дежурство окончилось хорошо. Никаких происшествий не было, и до дома оставалось всего два квартала.

Читатель ожидает слов: «Но вдруг...» Предчувствие верное. Но вдруг она заметила, что за углом двое молодых людей довольно недвусмысленно трясут друг друга за борта пальто, причем один старается подставить ножку другому.

Сразу было видно, что это не старые школьные товарищи, обрадовавшиеся неожиданной встрече.

Лена пожалела, что сейчас рядом с ней нет Пети Кравчука. Они расстались всего пять минут назад. Кравчук — тоже дружинник, работает на почте грузчиком, двадцать посылок может поднять сразу. С ним ходить в патруль очень хорошо и спокойно. При такой силе он любого нарушителя порядка может взять, что называется, под мышку и донести до ближайшего отделения милиции.

Но тут она одна. Огляделась по сторонам: пусто, на помощь рассчитывать нельзя. Лена машинально достала из кармашка милицейский свисток, и через секунду улица огласилась продолжительной трелью.

Один из участников поединка бросился наутек, но навстречу ему из ворот и подъездов уже бежали дворники в белых фартуках.

И все-таки ему удалось уйти. Оставался другой. Он попытался сделать несколько шагов, но, увидев Лену и дворников, остановился.

— Что произошло? — спросила его Лена.
— Да так, ничего, — ответил нарушитель. — Жаль, не дал я как следует этому типу.

— За что?
— За дело.

Кто-то из дворников подал голос:
— Ишь, какой драчливый! Из-за таких и по улице не пройдешь.

— Поосторожней насчет «таких», — намутив брови, сказал нарушитель.

— Ваш паспорт! — потребовала Лена.
— Нету.

Лена повторила еще раз, очень строго:

— Ваш паспорт!
Нарушитель нехотя потянулся в карман и достал документ.

— Пожалуйста. Профбилет устраивает?
— Ростовцев Сергей Иванович, — прочитала Лена и добавила: — Стыдно, товарищ Ростовцев. Пойдемте в отделение милиции, выясним...

Помочь Лене препроводить Ростовцева в отделение вызвался один из дворников.

Шли молча. Никаких попыток к бегству нарушитель не предпринимал. Потом сказал, ни к кому не обращаясь:

— Вот так, ждешь год, два, семь лет, когда наконец увидишь родной город. Приезжаешь и попадаешь в драку. Смешно!

— А вы что, в заключении были? — спросил догадливый дворник.

Ростовцев усмехнулся:
— Нет, полярник я. На зимовке был.

Дворник тупо покачал головой:

— Ну, уж полярнику-то драться совсем неспособно.

— Нет, дорогой, очень способно, когда видишь, что хулиган пристает к прохожей...

— Так вы, значит, за женщину вступились, а тот ее обижал? — удивленно спросила Лена.

— Вот именно, а сейчас иду в отделение, и через неделю мои товарищи получат письмо: так, мол, и так, ваш коллега, находясь в отпуске, устраивал систематические драки.

— Ну, систематические мы не напишем, — авторитетно заявил дворник. — А вообще драться не надо никогда.

Ростовцев остановился и вздохнул:

— Эх-хе-хе! А как, вы считаете, надо поступать с хулиганами? Читать им советы из отрывного календаря? По-моему, тот не мужчина, который...

— Так вы прирожденный дружинник! — воскликнула Лена.

Она посмотрела на Ростовцева и подумала: «Какое у него мужественное лицо! Вылитый полярник! Вот о таких пишут в газетах: «Вступил в схватку с белым медведем!»

Он посмотрел на Лену и подумал: «Какая она обаятельная! С такой даже и в отделение идти приятно!»

Дворник посмотрел на них обоих и сказал:

— Ну, тогда разрешите, я отстану. Вернусь к себе. Кто бы метлу не унес.

Лена и Ростовцев двинулись дальше.

— А почему у вас нет паспорта? — спросила она.

— Потому что он в гостинице, у администратора.

— Вы живете в гостинице? Но ведь это ваш родной город, если не ослышалась...

— Родной, но сейчас у меня никого здесь нет, — ответил Ростовцев. — Так, несколько старых товарищей...

Когда дошли до следующего перекрестка, Ростовцев сказал:

— Подождите минуточку.

— Куда вы?

— Не волнуйтесь, могу оставить в залог свой профбилет. Вот там я вижу цветочный киоск и хочу подарить вам букетик. Полярники очень любят дарить цветы.

Ростовцев вернулся с нарциссами, бережно завернутыми в целлофан.

— Спасибо, — сказала Лена. — Ну, расскажите по дороге, как у вас там, на севере?

* * *

Лена Василенко вела в отделение Сергея Ростовцева двадцать дней. До тех пор, пока он не повел ее в загс.

Рисунок И. СЕМЕНОВА

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Магазин «Ткани» проводит покупательскую конференцию штапельных тканей».

(Объявление магазина № 32 Костромского горпромторга.)

Переписал В. ГОРДЕЕВ

«Мария Царева, прядильщица нашего цеха, не имеет привычки заискивать перед руководителями, на собраниях остро вскрывает недостатки, не щадит и друга, если ошибается тот. Но все-таки она хороший человек».

(Из статьи «Легко работать рядом с ней», опубликованной в газете «Советская Клайпеда».)

УГАДАЙТЕ, КАК СЫГРАЛА ФУТБОЛЬНАЯ КОМАНДА ЭТОГО ГОРОДА?

Плоды раздумья

Если о хорошем фильме нет рецензий,— значит, критика от него в немом восторге.

Смотрящий на все свысока ничего не познает всесторонне.

После свадьбы кто-то может попасть в объятия, а кто-то просто в руки.

Есть категория людей, которые, отказываясь от взятки, говорят: — При всем желании — не могу!

Сущность человека именно тогда и раскрывается, когда он вне себя.

Виктор ЖЕМЧУЖНИКОВ.

Самое трудное — учиться в самолете. Все нужно схватывать на лету.

После премьеры актеров вызывали много раз. Всем хотелось им посочувствовать.

Деловая записка: «Пришлите арфографический словарь. Он мне очень нужен». Убедительно!

Бор. РОЩИН

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ. Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, М. Э. ВИЛЕНСКИЙ, А. Е. ВИХРЕВ, Б. А. ЕГОРОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), А. Н. РЕМЕЗОВ (ответственный секретарь), И. М. СЕМЕНОВ, С. В. СМЕРНОВ.

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, А-47, 1-я улица Ямского поля, 28. Тел. Д 3-31-37. Издательство «Правда».

А 00089. Изд. № 538. Подписано к печати 19/V 1962 г. Формат бум. 70x108¹/₈. Тираж 1 650 000 экз. Заказ 1496. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

РАССМАТРИВАЮТ
ИЗОБРЕТЕНИЕ...

20563ж

Рисунок А. КРЫЛОВА

ВСЕСОЮЗНАЯ
КНИЖНАЯ ПАЛАТА
31 МАЯ 1962
КОНТРОЛЬ ЭНС.

